

Глава 13. Ветер и дождь (V)

Сун Чжи спал тяжело, забытье было глубоким и вязким. С трудом оторвав голову от подушки, он сел на постели, пытаясь справиться с дурнотой. Сонливость понемногу отступала, и сквозь шум в ушах он наконец расслышал голос — его звала Ацила.

— Господин Сун? Вы слышите меня, господин Сун?

— Что случилось? — отозвался Чжи, прочищая горло.

Услышав ответ, Ацила облегченно вздохнула:

— Слава богу, вы проснулись. Я видела, что дверь заперта, и никто не приносил вам еду. Подумала, что вы, должно быть, голодны. На улице совсем стемнело, время ужина прошло, так что я принесла вам немного поесть.

Только после её слов Сун Чжи почувствовал, как нестерпимо сводит живот. Он глянул в окно: ночь и впрямь полностью вступила в свои права, судя по всему, шёл уже час Собаки.

— Благодарю, — пробормотал он и, шурша одеждами, поднялся, чтобы отпереть.

Но стоило ему встать на пол, как у него перед глазами всё поплыло. Сун Чжи судорожно ухватился за спинку кровати, пережидая приступ головокружения.

— Если вы спешите, просто оставьте поднос у порога, — добавил он, едва переводя дух.

— Девушка? — Снаружи послышался тихий смешок. — Вы, ученые мужи, все такие?

Чжи не сразу понял иронию. Когда он наконец совладал с собой и распахнул дверь, Ацила стояла на пороге с подносом в руках. Был конец девятого месяца, приближалась зима; ночной холод уже пробирал до костей. Неизвестно, сколько служанка прождала его на сквозняке — она заметно покраснела носом.

При виде этой картины у Сун Чжи потеплело на душе. Он не ожидал, что в этом чужом, холодном доме кто-то проявит о нём искреннюю заботу. Ацила тем временем вошла в комнату и поставила еду на стол. Блюда ещё дымились.

— Ешьте, пока горячее, — распорядилась она. — Как закончите, я заберу посуду, мне нужно отчитаться перед молодой госпожиной.

Сун Чжи был слишком голоден для лишних церемоний. Поблагодарив девушку, он принялся за

еду, опустошая миску с жадностью, ему совсем не свойственной. Лишь насытившись, он поднял голову:

— Это госпожа прислала тебя?

— Да, — кивнула Ацила.

— Твоя госпожа... это кто?

Служанка прикрыла рот ладонью, пряча улыбку:

— Вы ведь виделись сегодня днём, господин.

Сун Чжи вспомнил красавицу, которую встретил, уходя из цветочного зала. Ему стало неловко.

— Прости... я был так встревожен, что совсем не смотрел по сторонам. Передай ей мою глубокую благодарность.

Ацила внимательно посмотрела на его одежду.

— Вы так и не переоделись, господин Сун.

Чжи опустил взгляд и замер в смущении. На нём всё ещё было то же платье, залитое кровью и тушью. Боль после возвращения была такой сильной, что он просто рухнул на кровать, не думая о внешнем виде. Понимая, что предстал перед посторонним человеком в столь жалком виде, он густо покраснел и засуетился, не зная, куда деть руки.

Ацила едва сдержала смех, глядя, как он пунцовеет.

— На улице темно, я ничего толком не разглядела. Вряд ли вы умеете стирать такие вещи. Снимайте, я всё приведу в порядок. Обещаю: отстираю так, что ни пятнышка не останется.

— Нет-нет, как можно? — забормотал Сун Чжи. — Я сам... это неудобно...

Ацила посерьёзнела:

— Эта подбитая ватой одежда стоит немало, и вы надели её всего пару раз. Будет жаль, если она пропадёт.

Это была правда. Тёплое платье совсем недавно купила для него Сю-нянь, и Сун Чжи

действительно понятия не имел, как выводить пятна туши и крови. Видя, что он колеблется, Ацила мягко добавила:

— Не скромничайте. Госпожа сама велела мне помочь. Она всегда с уважением относилась к образованным людям, так что для нас это мелочь. Просто помните о её доброте, вот и всё.

«На редкость добрая душа», — подумал Сун Чжи.

Когда Ацила вышла с пустой посудой, он быстро переоделся. Вскоре девушка вернулась за грязным платьем.

— Через пару дней, как высохнет, я принесу его обратно, — пообещала она.

На следующее утро Сун Чжи обнаружил, что ему нечего надеть. Одно тёплое платье ещё не просохло после его собственных попыток стирки, второе унесла Ацила. Пришлось довольствоваться лёгким узким халатом.

Мэн Хуань велел ему несколько дней не показываться в кабинете, и Чжи коротал время за книгами, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей. Он вспомнил, что обещал Ци Люйцяню картину. Разложив бумагу и краски, он долго сидел, занеся кисть, но так и не смог сделать ни одного мазка — образы ускользали, не желая ложиться на лист.

Тревога не давала покоя. Он так и не сообщил Чжан Хуэю, что теперь живёт у Мэн Хуаня, и не предупредил, что больше не сможет приносить свитки. Если он пропадёт надолго, старик начнёт волноваться... Да и какотреагирует господин Чжан, узнав, на кого он теперь работает? Не разгневается ли?

А ещё Сю-нянь. Он обещал навещать её каждую декаду. Если он не придёт — она расстроится. А если придёт и она увидит рану на его лбу — испугается.

Каждая мысль неизбежно возвращала его к Мэн Хуаню. Сун Чжи чувствовал, как в груди закипает глухая обида на этого человека. Рисовать расхотелось окончательно. Бросив кисть, он решил выйти проветриться. В конце концов, Помесье Мэн огромное, вряд ли он кому-то помешает; Мэн Хуань не запрещал ему передвигаться по дому.

В этом огромном Помесье Мэн Сун Чжи чувствовал себя чужаком. Из всех обитателей он знал лишь хозяина да, с натяжкой, Ацилу. Слухи о том, как господин обошёлся с новым учителем в цветочном зале, быстро разлетелись среди прислуги. Все знали: этот книжник разгневал хозяина, а значит, общаться с ним не стоит. Лишь Ацила иногда заглядывала к нему в свободную минуту.

Раны на теле заживали, но на сердце оставался тяжёлый осадок.

Спустя пару дней в его дверь постучала незнакомая служанка. Не говоря ни слова, она обмерила его с ног до головы и собралась уходить.

— Сестрица, — окликнул её удивлённый Сун Чжи, — что это значит?

— Шьём одежду, — бросила она через плечо.

— Кто велел? И зачем?

— Мы люди подневольные, — сухо ответила девушка. — Выполняем то, что приказал хозяин.

Чжи замер. Мэн Хуань?

Служанка ушла, а через два дня принесла обновки. Сшитые точно по мерке, вещи сидели идеально. Материал не был баснословно дорогим — добротная хлопковая ткань, — но платье было плотным и очень тёплым, как раз для наступающих холодов.

Все эти шесть дней Сун Чжи не видел Мэн Хуаня и не знал, чем тот занят. Лишь на шестое утро явился Цино с коротким приказом:

— Молодой господин ждёт вас в кабинете.

К тому времени Ацила уже вернула его старое платье — чистое, без единого пятнышка. Собираясь к хозяину, Сун Чжи решил выглядеть пристойно: сменил легкий халат на выстиранную одежду и отправился в кабинет.

Мэн Хуань сидел за столом, упражняясь в каллиграфии. Увидев учителя, он небрежно махнул рукой:

— Подойди.

Казалось, он был в превосходном расположении духа.

— Взгляни на мой почерк. Есть ли успехи?

Каллиграфия требует месяцев, а то и лет упорного труда. Сун Чжи про себя усмехнулся: «Не прошло и десяти дней, каких успехов он ждёт?» Но вслух возражать не посмел. Он подошёл ближе, взглянул на лист и... замер.

— Вы... все эти дни упражнялись? — не веря своим глазам, спросил Чжи.

Мэн Хуань кивнул:

— Само собой. Ты же сам сказал: писать нужно ежедневно, только тогда будет толк.

Сун Чжи промолчал. Он был уверен, что Мэн Хуань давно выбросил его наставления из головы. А тот не просто помнил, но и работал каждый день. И хотя иероглифы всё ещё были далеки от совершенства, в них чувствовалась рука, приложившая немалые усилия.

— Прогресс поразительный, — искренне признал Сун Чжи.

Мэн Хуань улыбнулся и вдруг протянул руку, коснувшись шеи учителя. Сун Чжи вздрогнул и испуганно отпрянул.

Хозяин спокойно убрал руку и ровным голосом заметил:

— Следы на шее почти сошли.

Чжи смутился и опустил голову.

— Благодарю за заботу, господин. Всё зажило.

Действительно, синяки побледнели, и кожа снова стала чистой и белой. Сун Чжи помедлил, а затем добавил:

— И спасибо... за одежду.

— Учитель в моём доме должен выглядеть как учитель, — отрезал Мэн Хуань. — А ты расхаживал в чём попало, словно какой-то малый на побегушках. На что это похоже?

Сун Чжи вспыхнул. Значит, Мэн Хуань всё видел, пока он бродил по поместью в одном исподнем. Но где он прятался?

— Раз я пожаловал тебе новое, почему не носишь? — продолжал Мэн Хуань, сощурившись. — Имеешь что-то против моих даров?

— Не смею, господин, — выдавил Чжи.

— Не смеешь? — Мэн Хуань насмешливо приподнял бровь. — По-моему, ты только и делаешь, что смеешь.

Сун Чжи замолчал, гадая: неужели тот всё ещё злится из-за случая с наследным принцем?

Словно прочитав его мысли, Мэн Хуань произнёс:

— Можешь не гадать. На этот раз я тебя прощаю. Но запомни: в следующий раз так легко не отделаешься. Служи мне преданно, и я тебя не обижу.

— Слушаюсь.

— Ты обещал принести прописи. Где они?

Сун Чжи спохватился:

— Забыл в комнате... Я сейчас же схожу за ними!

Он уже развернулся, чтобы бежать, но Мэн Хуань резко схватил его за запястье:

— Не нужно. Завтра принесёшь.

От рывка Сун Чжи охнул. Хватка у хозяина была железной: ладонь воина, покрытая грубыми мозолями от меча, ощущалась тяжёлой и властной. Кожа Чжи, напротив, была нежной — Сюнянь берегла его, не позволяя заниматься тяжёлым трудом.

Сун Чжи осторожно высвободил руку.

— Да, господин.

Мэн Хуань сел в кресло, приняв безупречную, прямую позу.

— Начнём.

Когда Мэн Хуань читал или писал, он преображался — становился сосредоточенным, не замечая ничего вокруг. Сун Чжи понял: перед ним не праздный богач, а человек с глубокими знаниями и железной волей.

Да и воин он был незаурядный. Пятнадцати лет отправиться на войну и заслужить доверие самого генерала Баяна... Таких людей во всей Поднебесной по пальцам можно пересчитать. Сун Чжи невольно засмотрелся на мозоли на его ладонях.

Простояв два часа кряду, Сун Чжи почувствовал, как немеют ноги. Прежде Мэн Хуань не

обращал на это внимания, но сегодня вдруг указал на стул:

— Сядь, отдохни.

Сначала Чжи отказывался, но через полчаса силы иссякли, и он всё же присел.

У Мэн Хуаня была удивительно верная рука — кисть не дрожала, что редкость для новичка. Вероятно, сказывалась воинская выучка.

— Лекарством пользуешься? — внезапно спросил Мэн Хуань, не отрываясь от бумаги.

— Пользуюсь! — встрепенулся Сун Чжи.

— Рана на лбу на виду, волосами не скроешь, — Мэн Хуань поднял на него взгляд. — Будет жаль, если на таком лице останется отметина.

Сун Чжи замялся. Ацила говорила то же самое. Но из уст служанки это звучало естественно, а от Мэн Хуаня — странно.

— И не вздумай больше капризничать, — добавил хозяин. — Упрямство должно быть умным. Шрамы тебе не на пользу.

Сун Чжи опустил голову.

— Понимаю.

Значит, Мэн Хуань знал, что в прошлый раз он пренебрёг его мазью.

<http://bllate.org/book/17487/1694440>